

А.М. Сабурова

В ГОСПИТАЛЕ Я ПРОРАБОТАЛА ВСЮ ВОЙНУ И ЕЩЕ ПОЛГОДА

До войны я была студенткой университета. В университете все мы осваивали военные профессии. Я выбрала курсы медсестер. Было много ночных учений, тревог и т.д., и, тем не менее, все мы жили спокойно, даже финская война не внесла больших изменений, хотя были затемнения, работа в госпиталях и т.п.

22 июня 1941 года я занималась в Публичной библиотеке. Вдруг мы услышали — началась война с Германией. До вечера мы продолжали заниматься, затем разошлись по домам. Утром нас подняли на воскресник. До обеда на Васильевском острове копали окопы. Вернувшись с работы, я успела сдать последний экзамен за третий курс и ушла в свое общежитие. Только я вошла в пустое общежитие, как явился посыльный с повесткой в военкомат. Я тотчас же поспешила туда, не сдав вещей на хранение, оставила даже деньги в чемодане. Из документов взяла с собой только паспорт. Почему-то была уверена, что через десять дней придется возвращаться, в дороге все может потеряться, а в чемодане будет целее.

Итак, с одним портфелем я ушла в военкомат. Там было полно народа. Более суток мы терпеливо ожидали назначения. Несколько раз пересматривали новый тогда фильм «Крутится, вертится шар голубой». Много раз пробовали штурмовать стол усталого пожилого комиссара, требуя скорейшего оформления документов. Он смотрел на нас жалобными глазами и говорил: «Ну куда вы торопитесь, девушки? Идите домой и приходите завтра». Мы

Людмила Михайловна Сабурова, старший научный сотрудник Отдела Европы, кандидат исторических наук, многие годы была директором МАЭ. Младший лейтенант медицинской службы. Участвовала в боях на Белорусском и Украинском фронтах. Награждена орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

не хотели уходить: надо было поскорее получить назначение. Наконец утром он решил отвязаться от нас и сказал: «Выбирайте — Киев или Смоленск». Мы выбрали Смоленск. На Витебском вокзале с трудом достали билеты по выписанному литеру. Ехали почти сутки до Витебска, вместе с возвращающимися домой отпускниками.

На вокзале в Смоленске попали под бомбежку. К счастью, она быстро прекратилась, мы пошли искать военкомат. Я получила назначение в военный госпиталь. (В нем и проработала всю войну и еще полгода. И только в январе 1946 года демобилизовалась и вернулась в университет.)

Два дня мы скребли и мыли бывшее общежитие Мединститута, устанавливали койки, готовя госпиталь к приему раненых. В первый же день нам еще пришлось помочь городской больнице. Несколько добровольцев, и я в их числе, целую ночь носили раненых и больных в бомбоубежище.

Развернуть госпиталь в Смоленске не удалось. 28 июня жесточайшая бомбежка практически уничтожила город, в основном деревянный. Помню, что, стоя на лестничной площадке, я посмотрела в окно — кругом бушевало пламя. К утру пожары стихли, бомбежка прекратилась. К середине дня мы получили приказ выехать в пригород Смоленска и развернуть там госпиталь. Наш госпиталь формировался в Смоленске. Персонал — в основном местные жители, смоляне. Они хорошо знали город, однако мы очень долго блуждали и не могли из него выбраться. Улицы были перегорожены завалами от сгоревших или еще горящих домов. Город был почти пуст, и только динамики, развешанные по улицам, гремели во всю мощь песню: «Идет война народная...».

В пригороде Смоленска мы пробыли две недели. Наш фронтовой эвакуогоспиталь находился на самой передовой, и раненые поступали к нам очень тяжелые. Работы было много, персонала не хватало. Поспать ночью удавалось редко, а если появлялась такая возможность, то уж ни на какие бомбежки никто не обращал внимания.

Бои под Смоленском шли очень тяжелые, кровопролитные, немцы наступали и явным стало наше отступление. Уехали полевые госпитали, расположенные рядом с нами, а мы сидели на месте. Нельзя оставить раненых, а как их эвакуировать? Наконец, в последний момент нашелся транспорт, мы погрузили последних раненых, а сами после многих суток напряженной работы пешком отступали по Смоленской дороге. За ночь прошли 20 километров. Утром расположились в лесу. Подъехал госпитальный автобус, в который вместились большая часть персонала, но не все. Начальник госпиталя пообещал, что автобус вер-

нется за нами. Мы ждали в лесу до вечера. Автобус не вернулся. Бойцы из отступавших частей поинтересовались, что мы делаем в лесу, и, узнав, посоветовали скорее идти пешком, так как мы можем оказаться в тылу у немцев. Мы пошли. По дороге узнали, что конечный пункт нашего назначения — Вязьма. Вскоре мы уже ехали. Водители грузовых машин охотно брали нас на борт, так как при наличии медсестер транспорт считался санитарным и получал преимущества при передвижении. Почти без приключений мы проделали свой путь. Даже Соловьевскую переправу переехали спокойно: бомбежек не было. Но по всему пути видели много убитых. В Вязьме, вернее, около нее в лесу, мы встретили своих медиков, присоединились к ним и получили новое назначение в Котовск под Тамбовом. Это был глубокий тыл. Мы проезжали мимо многих городов, еще не разрушенных. Запомнился почему-то Курск, его гористый пейзаж, магазины, полные разных товаров. В Котовске был большой пороховой завод, который, конечно, бомбили. Мы получили под госпиталь Дом культуры — огромное трехэтажное здание; быстро его обустроили и стали работать. Раненые поступали, их надо было эвакуировать в глубь страны. Один раз после сильной бомбежки завода было много обожженных и их положили в наш госпиталь. Тогда еще не умели лечить тяжелые ожоги, и эта картина до сих пор так и стоит у меня перед глазами. Около двух лет мы пробывали в Котовске. У нас умирало мало людей: во-первых, мы были тыловым госпиталем и смертельно раненные к нам не попадали; во-вторых, мы постоянно эвакуировали наших тяжело раненных (транспортных) глубже в тыл. Умерших мы хоронили на кладбище с отдаванием соответствующих военных почестей.

Довольно скоро фронт приблизился и к нам, но не подходил ближе 70 километров. Во время бомбежек раненых полагалось нести с верхних этажей вниз, мы часто не успевали сделать это, да к тому же были такие раненые, которых нельзя было нести и нельзя было оставлять одних. Этого мы никогда и ни при каких обстоятельствах не делали, и чаще всего с ранеными оставалась я.

Когда началось наступление наших войск, госпитали, и мы в том числе, стали двигаться за фронтом, останавливаясь в пунктах назначения на несколько месяцев, пока не откатывался фронт. Обратный путь мы проделали по разрушенной территории. Надо было размещать раненых. В Курской области на станции Ржава сохранились стены бывших конюшен (саманные), которые и были приспособлены под госпиталь. Летом еще было ничего, а когда начались холода, стало худо — нельзя было натопить эти «палаты».

Затем Новгород-Волынский. Город не был разрушен. Была весна, мы даже бегали на рынок. Мы расположились на берегу реки, в замке, превращенном немцами в гестапо. К нам поступала молодежь по мобилизации, но работали они плохо, не хватало нянечек... Последние два года войны — непрерывное движение: свертывание госпиталя и развертывание его на новом месте. А это огромная работа. Надо было подготовить к эвакуации раненых, упаковать все имущество, погрузить его в эшелон и на новом месте повторить то же в обратном порядке.

Когда готовилась и проходила Висленская операция, пунктом нашего назначения стало польское местечко Макшешув. Здесь кроме монастыря и поселка не было ни одного подходящего здания. А госпиталь большой — на 900 человек. Но раненых бывало и значительно больше. И мы получили приказ — зарыться в землю, соорудить землянки для раненых, операционной и т.д. Хотя личный состав госпиталя был большой — 450 человек, но в основном женщины, мужчин было мало, помогали ходячие раненые. Материала для постройки никакого. «Рядом лес — рубите и возите бревна», — сказали нам. И вот на территории монастыря за короткий срок мы соорудили около десятка подземных помещений, в которых на двухъярусных нарах размещались раненые. Под штаб монастырь отдал свой главный корпус, где размещались и сами монахи. Они старались помогать нам, добывали у населения необходимую солому для матрацев и т.д.

На территории Польши госпиталь дислоцировался еще в г. Жешуве. Личный состав в обоих случаях размещался среди населения, и мы воочию увидели колоссальную разницу между деревенским и городским бытом, истинно капиталистическим. Бросались в глаза многие интересные бытовые подробности.

Город Жешув. Хорошо сохранились жилые дома и общественные здания. Здесь мы получили нормальный госпиталь. Жили в благоприятных условиях. Для нас все было в диво: нормальный город, полно мужчин, все хорошо одеты. Смотрели мы на это с удивлением. Наша жизнь была совсем другой. Работали не 8 часов, а гораздо больше и отдыхать было некогда.

Последний наш переход, уже в Германию, отличался от предыдущих. Нам не дали никакого транспорта, мы сдали свое имущество приехавшим на смену другим госпиталям. Отпустили всех вольнонаемных, кто не пожелал ехать с госпиталем, и двинулись дальше на попутных. Весь личный состав разбили на группы, по четыре человека, которые должны были самостоятельно добираться до пункта назначения. Путь предстоял не близкий. В нашей группе я была старшей. В группу

входили медсестра из моего отделения, кастелянша и для охраны нам придали пожилого бойца из выздоравливающих, который, как выяснилось, боялся всего больше нас. Кто кого охранял — оставалось неясным, во всяком случае от него происходили одни неприятности. Его явная трусость определенно не нравилась тем, кто брал нас на машину. У сопровождавшего нас бойца оружия не было, да и вряд ли он владел им. Оружие (пистолет) выдали перед отправкой мне (как оказалось впоследствии, неисправное). Вручая пистолет, комиссар объяснил чисто теоретически, как из него стрелять, подавать патрон из обоймы в ствол, и предупредил, что надо быть осторожной, чтобы не было отдачи. Пистолет поставили на предохранитель и вручили мне. Пользоваться им не пришлось.

Первая же машина с каким-то небольшим грузом охотно взяла нас. Видимо, действовал приказ подбирать бродячие госпитальные группы. Вместе мы проехали бо́льшую часть пути, а затем пришлось снова голосовать, так как нам надо было сворачивать на Бреслау. В каком-то местечке остановились ночевать. Хозяйки, явно немки, выдавали себя за полячек, говорили, что в доме никого нет. Мы заняли две комнаты, в одной были женщины, в другой разместились бойцы. Перед сном шофер попросил: «Дай, Михайловна, пистолет, я пройду проверю, нет ли кого в подвалах и в хозяйственных постройках». Пистолет я дала, он вышел во двор и, вернувшись, сказал: «Не работает». Но все-таки с пистолетом в руках пошли осматривать подвалы: огромные, бетонированные, с расстеленными на полу матрацами. Людей не было. В ночь бойцы по очереди дежурили, только нашему бойцу не очень доверяли, да и он держался отчужденно. Сменив еще несколько попутных машин, добрались до г. Лигница — в 4 километрах от фронта. Лигниц — крупный город и в прошлом крупный фашистский центр — к этому времени был совершенно цел и почти совершенно пуст. Вообще немецкие города, которые нам пришлось видеть, кроме Берлина, в отличие от наших, пострадали мало. Для госпиталя нам отвели школу и большой сад в здании бывшего гестапо, куда мы запросто ходили за смородиной для раненых, заодно проходя по всем когда-то страшным кабинетам гестапо, с разбросанными повсюду делами и документами, орденскими знаками и т.п. Никто не интересовался этим наследием, и бумаги и документы валялись. У нас были уже другие раненые, приближение победы чувствовалось, и раненые рвались обратно в бой. Почти все они были ходячими, так как более тяжелых отправляли сразу в тыл. Рядом с нами находился какой-то официальный центр, где происходили все торжественные городские собрания (поляков), на

которые неизменно приглашали и нас. Впервые мы увидели иной общественный ритуал. Вместо аплодисментов в подходящих местах зал вставал, и трижды громко звучало: «Нех жие, нех жие, нех жие!». В городе стали открываться рестораны. И спустя некоторое время расположился штаб командующего фронтом — К.К. Рокоссовского. Оживалась культурная жизнь, особенно после победы.

В Лигнице мы встретили и день Победы, долгожданный и такой желанный. Здесь находился штаб 2-го Белорусского фронта. Было много офицеров и всяческого начальства. В день Победы отовсюду неслись выстрелы, главным образом, из пистолетов. На улице сразу стало многолюдно. Появились немцы, которые находились где-то в укрытии. По улице ехали коляски с имуществом и вместе с ними немцы. Как смеялись наши офицеры: «Почувствовали победу». В общем появились местные жители. Вскоре военкоматы мобилизовали молодых женщин, и к нам была прислана помощь.

После победы была организована экскурсия в Берлин. Берлин находился всего в 180 км от Лигница, а ехали мы туда целый день. Отличная автострада шла мимо селений, которые оставались далеко в стороне, по обе стороны дороги — ухоженные поля, ровные, ни одного перекрестка, везде транспортные развязки, ни одной машины навстречу, они идут по другой дороге, разделенной с этой грунтовой полосой. К вечеру приехали в пригород Берлина, где и ночевали. Ночевать в Берлине было негде, да и небезопасно.

Пригород поразил нас своей нарядностью, все двухэтажные коттеджи были целы, утопали в цветах и садах, везде розовели и краснели спелые яблоки. Людей почти не видно. Мы ночевали в одном из пустых коттеджей, а утро и день провели в Берлине. Осмотрели рейхстаг, бункер Гитлера, Унтер ден Линден, знаменитый черный рынок. Зрелище было не из приятных. Развалины, на которых копаются немецкие мужчины и женщины, что-то ищут, в сохранившихся подвалах открыты какие-то лавчонки с эрзацами в серых обертках, лениво работают на улицах немцы, передавая по цепочке кирпичи, восстанавливая разрушенное.

В это же время появилось в нашей жизни и искусство, не только кино. Помню один раз в большом театральном зале был такой вечер. Давали оперетту «Жрица огня». На вечере присутствовал командующий фронтом маршал Рокоссовский. В какой-то части была своя самодеятельность, а в составе самодеятельности настоящие артисты оперетты, отец, мать и сын лет 15—16. Ждали Рокоссовского, и после его появления началась оперетта. Прошла она хорошо, мы столько време-

ни не соприкасались с искусством, поэтому хлопали очень сильно. Однажды мы ходили в гости в воинскую часть, которая пригласила нас к себе, дала концерт, сами принимали их у себя.

Полгода после войны мы еще работали с больными, а затем 26 декабря 1945 года меня демобилизовали как студентку, я вернулась в университет.

Мы жили в жестких регламентированных рамках и не день-два, а годы, без отдыха, без отпуска, без выходных дней, все время на казарменном положении, все время, кроме сна, — на работе, а часто и работа вместо сна. Постоянный прием и эвакуация раненых требовали усилий всего коллектива, а происходили они, по вполне понятным причинам, как правило, ночью. Значит, мобилизовывали всех на эвакуацию. То же при тревогах. Нас было все-таки даже по нормам военного времени мало. В моем отделении (300—350 раненых) было всего 25 человек сестер и санитарок. И так в любом месте. И этим малым количеством был обеспечен не только уход и медицинское обслуживание, но и чистота. Здесь закон и требования были железными. В любых условиях, где бы мы ни находились, все в госпитале сияло, начиная с перевязочной и кончая лестницами, курилками и т.п. За чистоту взыскивали больше, чем за что бы то ни было другое. И это понятно — угроза эпидемий была страшнее всего, и основная профилактика — септик и антисептик.

У нас всего было мало: мало места, мало медикаментов, бинтов, а часто не было даже бумаги и чернил. А эти последние были очень нужны, так как о раненых надо было все записать, чтобы с этими документами они пошли дальше. И из всего находили выход. Стирали бинты, это было постоянным занятием дежурных, разводили марганцовку для чернил, писали на газетах между строк. И при всем при том создавали атмосферу, удобную для жизни раненых: своевременная медицинская помощь, хороший уход компенсировали недостатки питания, которые испытывали все в войну, и раненые в том числе. Кроме того, мы все-таки были люди — болели. Те два года, которые мы провели в тылу, мы находились в малярийной местности и почти все переболели тропической малярией, в Курской области — напала какая-то сначала неопознанная хворь, оказавшаяся впоследствии туляремией — особой формой тифа, ну и т.д. А кроме того, надо было всем всему учиться в ходе работы, когда особенно учиться и некогда и когда освоение определенных знаний происходит особенно быстро. Так, в госпитале лишь единицы из врачей были хирургами, остальные — врачи далеких специальностей (педиатры, терапевты, окулисты и т.д.) и

только что получившие дипломы студенты-медики. Все они и довольно быстро освоили хирургию. Первоначально — простейшую обработку ран, а затем и более сложную. И после войны лишь немногие вернулись к довоенной профессии, остальные остались верными своей военной специальности.

Сестер с опытом хирургической работы тоже было мало. Однако в основном сестры имели опыт работы. Что касается меня — опыта хирургической работы никакого, в финскую кампанию я работала в нервном отделении, среди контуженных, и раненых практически не видела. На курсах не было никаких практических занятий, только смотрели, как делать уколы и т.п. Всему этому пришлось учиться на ходу. Месяца через три мне вменили в обязанность выписку лекарства для отделения. Я присутствовала на обходах врачей и должна была выписывать лекарства. Вот уже когда помучилась. Выписывать рецепты надо по латыни, а я по-русски едва могла записать названия лекарства. Первое время эти лекарства мне снились в лицах. Потом освоила и эту грамоту, не говоря уже об уколах, вливаниях, переливаниях крови и т.п. Очень скоро, через 4 месяца, при расширении госпиталя меня назначили старшей сестрой отделения, в штат почти на две трети приняли новых — молоденьких 17-летних девочек, только что окончивших медучилище, которые смотрели на нас уже как на асов и перенимали приемы у нас.

В госпитале создавался удивительно дружный, работоспособный, здоровый коллектив, в котором несмотря на все трудности работалось легко. Атмосфера постоянного поиска, постоянного творчества, освоение новых приемов лечения, стремление к лучшему, к возможно лучшим результатам работы — эта атмосфера была основной, определяющей, воспитывала, подтягивала людей.

Всю войну мы работали, как автоматы, не зная ни сна, ни отдыха. Четыре с половиной года без выходных и праздничных дней, по 16 часов в день. Не говоря уж об отпусках. На отпуск мы только подавали заявление, все деньги, займы мы дарили в фонд обороны. Правда, мы не знали голода, как другие, и впереди нас «волки, как галки» не прыгали...

Из выступления Людмилы Михайловны Сабуровой в мае 1974 года:

«День Победы я встретила в Германии, в Силезии. День 9 мая был удивительно яркий, солнечный — в Германии весна наступает намного раньше, чем у нас, — и таким же ярким и ликующим было наше настроение. Весь персонал госпиталя и ходячие раненые высыпали во

двор, все обнимались, стреляли в воздух. Стихийно возник митинг — всем хотелось выразить свои чувства, поделиться радостью.

Вскоре после наступления мира у нас была организована экскурсия в Берлин. Ехали мы целый день на автобусе по пустынной дороге. Это не так далеко, но по тем временам скорее было не доехать. Под вечер мы прибыли в пригород Берлина. Весь следующий день мы посвятили осмотру Берлина. Конечно, первым делом поехали на Unter den Linden, в Рейхстаг. Около него ходили мужчины, главным образом пожилые, инвалиды, и предлагали себя в качестве гидов. Один из таких экскурсоводов-добровольцев показывал нам руины (очертания здания все же сохранились), — объясняя где была приемная Гитлера, где сидели его секретари; бункер, где скрывался Гитлер. Бункер сохранился, все маленькие комнаточки с низкими потолками были целы, но без интерьера, — только телефонная станция уцелела. Воздух был сырой, пахло плесенью, как и полагается в подzemелье. Видели мы место во дворе, где был найден обожженный труп Гитлера и его жены.

После победы я еще работала полгода в этом госпитале, и в конце декабря 1945 года меня, как студентку, отпустили учиться».

Май 1974 года